

Очередная встреча в Балтийском представительстве информационного агентства «Росбалт» на тему «Права и бесправие русского языка в Латвии» оказалась содержательной и эмоциональной.

Участники дискуссии искали русскому языку подходящий статус

Вопросов перед приглашенными к участию в дискуссии было поставлено много. И что ни вопрос – то камень преткновения. И все – краеугольные. Какие основные проблемы в сфере русского языка и образования намечено рассмотреть на региональной конференции правозащитников и российских соотечественников? Как случилось, что русский язык стал в Латвии иностранным? Как правозащитники отстаивают право на использование русского языка в Латвии как родного? Можно ли сохранить в Латвии образование на русском? Насколько полезен европейский опыт сохранения языков меньшинств в других странах ЕС? Какие надежды на сохранение в Латвии русского языка и образования связываются с Россией?

Виктор Гуцин, кандидат исторических наук, директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований:

– Принятие Верховным Советом ЛР 15 октября 1991 года постановления «О восстановлении прав граждан и основных условиях натурализации» привело к появлению сотен тысяч лиц без гражданства. Новой правящей элите больше не было нужды учитывать интересы нацменьшинств. К тому же этот курс встретил поддержку на Западе. Давайте посмотрим на Швецию – не кто иной, как премьер-министр Карл Бильдт двадцать лет назад подал молодым балтийским демократиям идею лишить русских гражданских прав и ввести паспорта «неграждан».

Право на использование русского языка в Латвии как родного правозащитники отстаивают весьма активно, но неэффективно. Причина – в ЕС нет механизмов, которые заставили бы страны Балтии соблюдать демократические нормы в отношении прав нацменьшинств. По сути мы наблюдаем кризис европейского и международного права. Вторая причина – принятая на Западе русофобия. Третья причина – сама Европа сегодня находится на распутье. Сначала – кризис политики интеграции, затем – кризис политики мультикультурализма. Какой будет политика дальше, никто пока не знает. Российский ученый Эмиль Паин считает, что следующим этапом должна стать политика мультикультурной интеграции.

Возможность закрытия русских школ сегодня вполне реальна. Латышское общество к этому практически готово. Россия должна активно защищать права нацменьшинств политическими средствами. Нужно назвать вещи своими именами. Латвия и Эстония не являются демократическими государствами. В них при поддержке государства активно возрождается идеология и практика нацизма. В этих условиях нацменьшинства фактически обречены не только в Латвии и Эстонии, но и в Литве. Россия могла бы принять политическое решение по поддержке нацменьшинств в странах Балтии: заявить о том, что (условно) с 1.08.2011 она больше не признает институт неграждан и рассматривает лиц без гражданства как апатридов, существование которых противоречит подписанным Латвией международным документам. Россия также могла бы заявить, что все выборы и референдумы, которые проводятся в Латвии без участия неграждан, не являются демократическими и легитимными, что создание института неграждан в Латвии и Эстонии привело не только к возрождению идеологии и практики нацизма в этих странах, но и оказало мощное дестабилизирующее воздействие на демократические процессы в странах ЕС, способствуя усилению в них позиций крайне правых, неонацистских политических сил.

Борис Цилевич, депутат Сейма Латвии, председатель подкомитета ПАСЕ по правам меньшинств:

– Европейская хартия региональных языков и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств стали действовать почти одновременно, но между ними есть существенная разница. Хартия разрабатывалась до падения «железного занавеса» с учетом тогдашних реалий, ее объектом являются именно языки, а не индивиды. На хартию особых надежд возлагать не стоит. Она построена по принципу меню: каждое государство выбирает для себя из длинного списка обязательств те нормы, которые оно готово исполнять. Подписав хартию, Латвия могла бы получить много политических очков, практически не беря на себя никаких особых обязательств.

Нам нужно определиться – какой уровень для нас важнее: символический или практический. Если для нас главное символ – а это действительно важно – эмоциональная составляющая, статус языка, говорящий о том, что в государстве присутствует некая языковая группа, которая в этом государстве является группой хозяев, – нужно иметь в виду, что практических проблем это отнюдь не решает, а напротив, их усугубляет.

В международном праве, насколько я знаю, существуют только два статуса: статус государственного языка, который иногда называют еще официальным, и язык меньшинства. Есть еще так называемый региональный язык. Мне представляется, что введение любых других терминов непродуктивно. Языки меньшинств должны использоваться в тех местах, где эти меньшинства проживают исторически или в значительном количестве, и для этого есть необходимость и реальная возможность. Таков общий принцип Рамочной конвенции.

Мне представляется, что целесообразно ввести в латвийское законодательство и последовательно использовать термин «языки национальных меньшинств». Тогда автоматически включаются все механизмы, предусмотренные Рамочной конвенцией, и реализуется универсалистский подход, который я считаю более эффективным, чем

принятие отдельных актов, которые касаются статусов отдельных языков. Гораздо лучше иметь общий принцип, основанный на общих демократических правозащитных механизмах, которые в каждом случае можно применить.

Владимир Бузаев , *консультант Латвийского комитета по правам человека:*

– В Конституции одна из статей гарантирует использование языков нацменьшинств, и она явно противоречит Закону о языках: эти языки могут применяться в сфере личного общения, религиозных мероприятий, и государство туда вмешиваться не может. Именно в Латвии мы должны требовать улучшения статуса своего родного языка. Иначе никакие иностранцы, даже с этнической родины, нам не помогут.

Ирина Коняева , *председатель правления международной ассоциации «Культура и мир»:*

– Отнесение русского языка к языкам нацменьшинств – это умаление его роли в обществе. Русская культура в странах Балтии не является пришлой, она имеет исторические корни. И уже по факту того, что язык является ее носителем, он должен быть объектом охраны государства. Тем самым нам удалось бы добиться того, чего мы не можем сделать через какие-то другие статусы, например – в должной мере вернуть его в образование. При этом не было бы никакого ущерба для латышского языка, он бы оставался доминирующим. Но признание русского языка языком культуры позволило бы его распространять и принимать меры к тому, чтобы молодые люди лучше им владели (что является серьезной проблемой). Русский язык должен быть признан языком традиционной культуры Латвии.

Илларион Иванов, *председатель правления Старообрядческого общества Латвии:*

– Тревогу вызывает не только правовое состояние русского языка, но и его употребление в среде, для которой он является традиционным. Бесконтрольное употребление различных новых слов вредит языку. Так называемое билингвальное образование также не способствует сохранению русского языка в школах. Староверы не могут понять, каким образом получилось так, что люди, живущие в Латвии на протяжении сотен лет, способствовавшие созданию латвийской государственности, пользуются иностранным языком. Предстоит работа в правовом поле.

Александр Кузьмин , *член правления Латвийского комитета по защите прав человека:*

– Распространено мнение, что для того, чтобы хорошо владеть латышским языком и быть конкурентоспособным на рынке труда, необходимо учиться на латышском. Но вокруг много людей, которые хорошо владеют английским, и вовсе не потому, что в школе или университете они учились на английском. Самым надежным способом предотвратить нежелательные последствия для русского языка при ухудшении политического климата в стране было бы введение в Конституцию статьи о наличии двух государственных языков. Но в ближайшее десятилетие это нереально.

Но Сейм мог бы принять решение о правах национальных меньшинств и в них закрепить право использования языка национальных меньшинств в образовании, в отношениях с властями. Название может быть разным – региональный язык или язык меньшинства. Главное – введение общих принципов его использования, скажем, там, где проживает, например, более пяти процентов его носителей. А ситуация, между тем, обостряется. Растут языковые штрафы, судя по всему, будет расширен список профессий, для которых необходимо знание латышского языка... А надеяться надо только на самих себя. И уж во всяком случае не на Европу.

Владимир Соколов , *председатель Союза граждан и неграждан Латвии:*

– Русский язык стал в Латвии иностранным 9 декабря 1999 года, когда был принят Закон о языке. Он обеспечивает защиту языка и развитие ливов как коренного населения Латвии и защиту письменного латгальского языка как исторического диалекта латышского. А статья 5-я гласит, что любой другой употребляемый язык, кроме латышского (за исключением ливского), в толковании данного закона считается иностранным. Любой живой закон основывается на традициях, обычаях и здравом смысле. Статус в Латвии русского языка как иностранного не обоснован ничем, кроме волевых решений. Практически он здесь никогда не был иностранным, а в довоенное время при определенных условиях мог применяться как официальный язык на некоторых общественных мероприятиях (то же относилось и к немецкому). Вопрос к юристам: если после восстановления латвийской государственности возвращаются гражданские права тем, кто здесь жил до 1940 года, в том числе и староверам, почему же не вернуть им прежнее право свободно пользоваться родным для них русским языком?

Сейчас мы относимся не к России, а живем в стране Евросоюза и имеем право на свою культуру. Почему мы вообще должны считаться там меньшинством? Полноправно могут пользоваться своим языком в Финляндии шведы, которых там в процентном отношении несравнимо меньше, чем русских в Латвии. Такова практика Европы. Почему там могут, а у нас – нет?

Сергей Мазур , *председатель общества Seminarium Hortus Humanitatis:*

– Я считаю, что вопрос о статусе русского языка должны решать компетентные люди, профессионалы – юристы и законодатели. И хотя я уверен, что русские в Латвии (и я в том числе) стопроцентно подпишутся за статус русского языка как официального или государственного, эти слова ничего не решают и не дают никакого материала депутатам.

Виктор Гушин:

– Мне представляется, что роспуск Сейма и внеочередные парламентские выборы приведут, к сожалению, к дальнейшему нагнетанию истерии вокруг сохранения латышского языка и латышской культуры. Должен ли быть статус у русского языка? Безусловно. Но я исхожу из своего понимания Латвии как своеобразного моста между Западом и Востоком. Наличие здесь концепции только одного государственного – латышского – языка вряд ли будет способствовать реализации этой концепции. И рано или поздно Латвия вынуждена будет дать какой-то статус русскому и английскому языку. Но мне представляется, что ситуация становится хуже. Она выходит из-под контроля, и у нас нет механизмов, способных повлиять на нее.

К концу встречи ее участники изъяснялись на повышенных тонах. И только они умолкли, как раздался грохот – и началась гроза. Вот уж воистину: пока гром не грянет...

